

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(47).083+084.3

DOI 10.26456/vthistory/2023.2.134–140

**ГУРНЫЙ М. ВЕЛИКАЯ ВОЙНА ПРОФЕССОРОВ.
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. 1912–1923. СПБ.: ИЗДАТЕЛЬ-
СТВО ЕВРОПЕЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ, 2021. – 414 С.
(ЭПОХА ВОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ; ВЫП. 15)**

В.П. Булдаков

Институт российской истории Российской академии наук,
г. Москва, Россия

Книга польского профессора Мацея Гурного посвящена практически неизвестной теме: развязанной европейскими профессорами «войне духа», которая предшествовала, а затем сопровождала ход Первой мировой войны. Автор прослеживает её истоки в прошлом европейских народов и показывает, как география выступила проводником политических идей, расовая антропология стала инструментом для характеристики «своих» и «чужих» народов, психология и психиатрия наделили тех и других востребованными военной пропагандой качествами. В результате вольные и невольные попытки ученых воскресить этнофобские предрассудки сыграли поистине провокационную роль. В сущности, не только сценарии Первой мировой войны, но и её последствия мысленно (и даже нравственно) были прописаны «независимыми» европейскими учёными ещё до её начала.

Ключевые слова: Первая мировая война, европейские ученые, «война духа», география, антропология, психология, психиатрия.

Считается, что Первая мировая война возникла как война империй, превратившись затем в механизированную «войну народов». И мало кто обращал внимание на связь военного ожесточения с «войной духа», затеянной европейскими профессорами задолго до него. Книга Мацея Гурного, профессора Института истории Польской академии наук в Берлине, посвящённая сюжетам, вроде

бы отдалённым от военных действий, позволяет глубже проникнуть в «тайны» истории Европы XX в.

Что заставило автора обратиться к столь необычной теме? Может быть пассаж, появившийся в лондонской Times в 1863 г.? Газета связывала начало антироссийского восстания поляков с некоторыми чертами их характера: «Поляки очень склочные и своевольные люди, для них не существует никакого закона выше их собственных прихотей... Сочетая

в себе уважение к самым благородным проявлениям человеческой природы и непреодолимую тягу к разнужданному образу жизни и всевозможным дурным привычкам, они являют собой удивительную смесь восточного и западного характеров...» (с. 24). Бесплезно спорить о степени объективности подобных характеристик – люди постоянно становятся жертвой собственного воображения. Последнее уводит вглубь вековых взаимопредставлений народов, связанных с инстинктивным отторжением «чужого».

Само по себе появление «науки с национальным характером» означало, что ментальность европейского Просвещения поражена «неожиданной», но старой как мир фобией. Секуляризация общественных представлений обернулась в начале XX в. потоком всевозможных антропологических исследований. При этом война, считает Гурный, «породила не новые конфликты, а пробудила... старые, дремавшие призраки» (с. 18). Впрочем, он не склонен акцентировать внимание на последнем моменте – речь идёт именно о науке, точнее о её характерных девиациях.

Что же предопределило поворот в тогдашнем видении «коллективного» человека? Очевидно, решающую роль сыграло глобальное уплотнение человеческого общежития. Волей неволей европейцы вынуждены были более пристально вглядываться в «других» и самих себя (см.: Булдаков В.П. Первая мировая война: геополитика и массы // Российская история. 2022. № 3. С. 95–108).

И это сблизило научные исследования с общественными настроениями, хотя тогдашние ученые (географы, антропологи, психиатры и психологи) отнюдь не стремились к этому (с. 21). Европейский мир подошел к «войнам духа» как бы сам собой – в силу естественной траектории своего развития.

В первой главе автор анализирует пути возникновения «науки с национальным характером». Попытки исследовать коллективные черты характера народов предпринимались ещё в античные времена (с. 25). Они развивались в рамках антиномии «цивилизация–варварство» (позднее «Запад–Восток»), однако только в Новое время стали опираться на «позитивистские» основания (с. 27). В основании этого процесса лежали не только идентификационные потребности и рост взаимной подозрительности, но и тревога за судьбы «своего» мира, за его «сытую» стабильность. При всей своей амбивалентности тогдашние характерологические образы определялись дихотомией «мужской–женский», что можно рассматривать как общественную потребность в маскулинном самоутверждении. В общем, этот процесс носил стихийный характер. «Дух народа» выводился то из языка, то из антропологических данных, то из социальной психологии. Это обернулось возникновением этнических иерархий (Г. Лебон, Ж.А. Гобино и др.), включавших представления о «старых» и «молодых» расах (с. 51). При всей видимой отвлечённости подобных классификаций они соответство-

вали не только гегемонистским претензиям тогдашних европейцев, но и их страхами перед перспективой собственного вырождения в результате смешанных браков. Разумеется, дала о себе знать и противоположная тенденция: в 1911 г. в Лондоне состоялась масштабная антирасистская конференция (с. 49). Одновременно в характерологических исследованиях обозначилась антиславянская тема.

Вторая глава посвящена непосредственным проявлениям «войны духа». Автор подчеркивает, что мировая война не стала для европейских интеллектуалов полным сюрпризом: уже 8 августа А. Бергсон произнес первую из своих речей, посвящённых столкновению цивилизации (которую олицетворяли Франция и Англия) с немецким варварством (с. 59). Далее последовали известные манифесты ученых воюющих стран с взаимными обвинениями в анти/культурной агрессивности. В целом полемика нашла отражение на сложившиеся взаимопредставления немцев и французов, затем первые ополчились на англичан (от которых перед войной ожидали нейтралитета). Здесь пальма первенства принадлежала В. Зомбарту, выдвинувшего антитезу «торговцы и герои» (с. 80). Стоило бы добавить, что с не менее решительными заявлениями выступил М. Шелер. Он утверждал, что британскому уму, который «увяз в эмпирических объяснениях и не способен отличать факты от сущностей», недоступна

метафизика войны¹. «Лицемерные» англичане смешивают культуру с комфортом, мышление – с вычислением, объяснение – с классификацией, нравственность – с правом, власть – с пользой и т.п.². Характерно, что примерно такие же черты отыскивали у немцев российские авторы (см.: Булдаков В.П. Долой И. Канта! Первая мировая война и философская германофобия в России // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. № 1. С. 101–123).

Фактически немецкие ученые стремились вырваться из логики эпохи Просвещения, кульминацией которой считался 1789 г. Соответственно осуждались суётность и легковесность французов, не сумевших изжить в себе «революционную женственность» (с. 82–83). Французы и англичане, со своей стороны, видели олицетворение немецкого духа в бездарном и безнравственном профессоре, состоящем на службе у милитаристского государства (с. 72–73). По мнению Гурного, тогдашние власти «создавали такие условия, в которых смогла бы разыграться европейская “война духа”». Этому способствовали повсеместно созданные (за исключением России) пропагандистские центры (с. 61–62). (Автор не совсем точен: в России с некоторым запозданием был создан так называемый Скобелевский комитет – В.Б.).

И всё же М. Гурный считает, что «было бы ошибкой отождествлять войну духа и военную пропаганду –

¹ Scheler M. Der Genius des Krieges und Deutsche Krieg. Leipzig, 1915. S. 43.

² Шелер М. К психологии английского этоса и лицемерия. М.; СПб., 2022. С. 19–24.

интеллектуалы сохраняли известную творческую автономию, со временем переросшую в «параллельную действительность». Так или иначе, повсеместно утвердилось убеждение, что познание истинного духа врага – это ключ к победе, что воюющие страны – это не только государственно-географические понятия, но и «сложившиеся характеры» (с. 71).

К сожалению Гурный не смог уделить достаточного внимания «войне духа», исходящей из России. Между тем, здесь она приобретала причудливые формы. Так, уже в ноябре 1914 г. 33-летний В.Ф. Эрн, считавшийся христианским философом, выстроил единый ряд «врагов России» – от Канта до Круппа. Примечательно, что образ И. Канта эксплуатировался и с противоположной стороны. Так, британский германofil Х. Чемберлен находил родство между его мировоззрением и «живым ядром учения Христа». По его мнению, Кант – «первый совершенный образец свободного германца», «истинный продолжатель Лютера»³. Словно в ответ, российские авторы осуждали «протестантский» милитаризм с православных позиций. «Тевтоны по существу – несваримый для цивилизации элемент; они тысячи лет уже тоскуют о звериных шкурах и томятся под нарядной мантией европейской культуры...»⁴. Это сочеталось с расовыми выпадами: немцы якобы близки тюркским племенам,

они относятся к совсем другой психической расе людей, нежели кельто-славянские племена, издавна населявшие Европу⁵. Аналогичным образом в лагере их союзников утверждали, что немцы со своими союзниками (венграми, болгарями, турками) образуют однородную «тевтонско-монгольскую» ментальность (с. 108). Но в целом расистские характеристики в России не получили распространения (что отмечает и Гурный) – это противоречило мифу о морально-политическом единстве «её» народов. Некоторое исключение представлял киевский психиатр И.А. Сикорский (отец известного авиаконструктора). С одной стороны, он относил немцев «к расам здоровым и одаренным», с другой – указывал, что они «лишены расового инстинкта – заботы о будущем»⁶.

В общем, ситуация в России освещена Гурным не столь основательно. Так, он отмечает, что в 1917 г. из российского кинематографа тема войны исчезла (с. 64). Это не совсем верно: выдающийся кинорежиссер Е. Бауер создал «военно-патриотический» фильм «Революционер». Более значительное место уделяется польским авторам. При этом отмечается скептическая оценка ими антиросийского потенциала украинцев (с. 138–139).

В последующих главах Гурный показывает, как учёные укреплялись в своих расистских заблуждениях,

³ Чемберлен Х.С. Основания девятнадцатого столетия. В 2 т. Т. II. СПб., 2012. С. 349, 352.

⁴ Миссионерское обозрение. Журнал внутренней миссии. 1914. № 9. С. 193.

⁵ Новое время. 1915. 13 июня.

⁶ Сикорский И.А. Современная все-светная война 1914 года. Причины войны и устранение их. Киев, 1914. С. 5.

обращаясь к этническим характеристикам, связанным с географией, антропологией, психологией и психиатрией. С помощью «науки» в годы войны появляются (особенно в Германии) концепции, откровенно обслуживающие экспансионистские планы. Разумеется, были и возражения. «Естественные границы – это просто эвфемизм для слова “экспансия”», – писал А. Тойнби (с. 160). Непомерные притязания исходили не только от «империалистов». Так, обосновывалась идея украинского государства, территория которого намного превосходила границы современной Украины (с. 168). Идеи антропологов подпитывали геополитическое прожектерство. В Германии и, особенно, в Австро-Венгрии развернулись обследования военнопленных. Появились представления о «якутизации» русских и «монголизации» украинцев (с. 212). Это, разумеется, вызывало критику. «С точки зрения расы, – писал в 1916 г. М. Грант, – нынешний европейский конфликт является по своей сути гражданской войной, и практически все офицеры и значительная часть солдат с обеих сторон относятся к одной и той же расе... Это новый виток старого, кровавого безумия и классовое самоубийство в гигантских масштабах» (с. 255).

Дело в том, что ещё до 1914 г. в Европе стали мушкетироваться старые представления о войне как средстве психического «оздоровления» нации. Особые надежды на это возлагались в Германии, где надеялись избавиться от распространявшегося «женоподобия» (с. 264). Затем заговорили о том, что о психике определенных сообществ можно судить по

их признанным лидерам. И здесь особого внимания удостоился Вильгельм II. Ему приписывался комплекс неполноценности, вызвавший склонность к гипертрофированному тщеславию, паранойе и импульсивным действиям. Это не встретило сопротивления в массах (с. 288). Были, конечно, и возражения: корни зла не в массовом внушении, исходящем от неуравновешенного правителя, а в «немецкой мегаломании». Г. Лебон утверждал, что культ силы был частью немецкой природы, «равно как патриотизм был свойственен французам на генетическом уровне» (с. 273–275). Впрочем, психические расстройства приписывали и французам (с. 287). В 1915 г. на эту тему высказался З. Фрейд. По его мнению, война продемонстрировала жалкое состояние европейской культуры, причем значительная часть ответственности лежит на учёных: «антрополог стремится провозгласить противника низшим и вырождающимся; психиатр диагностирует у него душевную или умственную болезнь» (с. 288–289). М. Гурный заключает, что политическая ангажированность гуманитарных наук не ограничилась периодом Первой мировой войны – «во время последующей войны история повторилась в гораздо большем масштабе» (с. 296).

В заключительной главе Гурный задается вопросом: кто развязал «войну духа»? При этом он обратил внимание на появление в немецкой идеологии «антимодернистского движения, которое усилилось на рубеже веков и позже слилось с антисемитизмом и расизмом». Как результат, в конце

франко-прусской войны последовала волна шпиономании и демонизации военных противников (с. 297–298). В общем, состоялась своего рода репетиция «военно-духовных» событий 1914–1918 гг.

Между прочим, параллельно франко-германской «войне духа» разворачивалось и антирусское её ответвление. Польский этнограф-любитель Ф. Духинский (1816–1893) решительно настаивал, что русские («москальи») не принадлежат к славянской расе, европеизация России – это «иллюзия», а в целом водораздел между «арийцами» и «туранцами» проходит по линии Днепра (с. 316–317). Представления Духинского о том, что москальи «по расе и духу не являются частью европейского сообщества», вызвали довольно широкий резонанс, особенно в немецкоязычных странах, хотя с ними не соглашались даже некоторые польские авторы (с. 322–323).

В связи с этим хочется напомнить, что Духинский был неоригинален. С XIV в. Запад стал воспринимать Восток в качестве врага «христианского мира». Хотя отношение к России было амбивалентным, именно поляки в XVI в. стали усердно распространять легенды о природной вражде русских к католикам-христианам. Соответственно появились утверждения, что русские – нецивилизованные и агрессивные

варвары, опасные для народов. Очевидно, что сказывался определенный комплекс неполноценности по отношению к «настоящему» Западу. Попытки этнического самоутверждения всегда сопровождаются поисками «дикарей». Так было и на сей раз.

В книге Гурного приводится масса примеров того, как попытки «ученых» воскресить этнофобские предрассудки играют поистине провокационную роль. Действительно всякая война обнажает вековые предрассудки, имплицитно присутствующие в сознании народов. Но почему тогда модернизаторский этос Просвещения не упредил и не парализовал возникновение критической ситуации? На это Гурный не дает ответа: события излагаются в науковедческом дискурсе, вроде бы исключая (как, впрочем, и сто лет назад) переложение «чистых» идей на язык текущей политики.

Получается, что не только сценарии Первой мировой войны, но и ее последствия, мысленно (и даже нравственно) были апробированы европейскими профессорами до ее начала. Хотели они реализации вообразяемого или нет, установить невозможно. Но очевидно, что они не сделали ничего для предотвращения войны. На этом фоне «вина» политиков, бизнесменов и даже военных («империалистов») кажется не столь значительной.

Список литературы:

1. Шелер М. К психологии английского этоса и лицемерия. М.; СПб., 2022.

Об авторе:

БУЛДАКОВ Владимир Прохорович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории, РАН (Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19), e-mail: kuroneko@mail.ru

**REVIEW: THE GREAT WAR OF PROFESSORS.
HUMANITARIAN SCIENCES. 1912–1923 SPB.: PUBLISHING
HOUSE OF THE EUROPEAN UNIVERSITY
IN ST. PETERSBURG, 2021. - 414 S.
(AGE OF WARS AND REVOLUTIONS; ISSUE 15)**

V.P. Buldakov

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

The study by Polish professor Maciej Górny is devoted to practically unknown topic: «war of spirit» unleashed by European scholars, which preceded and accompanied the course of World War I. The author traces its origins in the past of European peoples and shows how geography acted as a conductor of political ideas, racial anthropology became a tool for characterizing «own» and «strange» peoples, psychology and psychiatry endowed both of them with qualities demanded by military propaganda. As a result, spontaneous attempts by scientists to revive ethnophobic prejudices have played a truly provocative role. In essence, not only the scenarios of the World War I, but also its consequences, were mentally (and even morally) written by “independent” scholars before it began.

Keywords: *World War I, European scientists, «war of spirit», geography, anthropology, psychology, psychiatry.*

About the author:

BULDAKOV Vladimir Prokhorovich – Doctor of History, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow, D. Ulyanov str., 19), e-mail: kuroneko@mail.ru

References

Sheler M., *K psihologii anglijskogo etosa i licemeriya*, M., SPb., 2022.

Статья поступила в редакцию 22.05.2023 г.

Подписана в печать 17.08.2023 г.